

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

СТАЯ

Рыбалка оказалась неудачной. Продолбив пяток лунок, Степан Петрович поймал всего двух чебаков и одного сижка. Сидеть дольше не имело смысла, надо было возвращаться домой. Рыбак пересёк протоку и поднялся вверх, на косогор. Дороги он особо не выбирал, да в этом и не было нужды — пару дней назад случилась сильная оттепель, снег подтаял, потом схватился крепким настом и стал твёрдым, как асфальт.

Одолев крутой гребень, Степан Петрович не спеша двинулся по пологой его части, почти в виду посёлка. Он совсем не смотрел по сторонам, шагая по-хозяйски уверенно и твёрдо, пока взгляд его — неожиданно и резко — не споткнулся о фигуру пса, торчавшую прямо по ходу. Ещё несколько сидели поодаль.

«Свадьба, что ли?» — безотчётно подумал Степан Петрович, не сбавляя шага. Но собаки вели себя как-то странно: не толкались кучкой, не визжали и не лаяли, а сидели молча, почти через равные промежутки одна от другой, полукруглой длинной цепью. Кто мордой, кто вполоборота, а иные даже спиной к нему...

Но стоило Степану Петровичу сделать ещё несколько шагов, как вся стая развернулась и замерла. Казалось, будто караулила его давным-давно. Именно его.

«Что за хреновина?» — Степан Петрович остановился в недоумении. Праздновать труса он не привык и не умел, а потом — это были собаки, не волки. И, на всякий случай, он попытался рассмотреть каждую: обычные дворняги, некоторые с примесью лайки — и только. Но намерения у них, видимо, были серьёзные, поскольку ни одна не лаяла попусту, не суетилась и не сводила с него глаз.

Степан Петрович, тоже не суетясь, осторожно потянул за верёвку пешню и сразу успокоился, ощутив в пальцах её твёрдую, крепкую ручку. Несколько минут прошло в тишине и напряжении. Человек лихорадочно соображал, куда двинуться, если собаки бросятся на него. Стоять и отбиваться — дело пустое. Пешня тяжела, много ею не намашешь. Хотя возможно, что удастся ранить или прибить какую-нибудь тварь, а остальные разбегутся. Может, они разбегутся и сейчас?

Он только хотел угрожающе вскинуть руку, как псы разгадали его — кто-то негромко заворчал, все дружно оскалились и сдвинули ряды. Степану Петровичу сделалось неудобно — собаки упреждали его действия.

И тут начался поединок нервов. Человек пустился на хитрость — придав своему голосу привычные, хозяйские интонации, он зычно закричал на собак:

— Пошли! А ну пошли! Ишь, оскалились! Я вас!..

Псы даже не двинулись, и Степан Петрович успел заметить, что они смотрели не в лицо ему, не в глаза, а на руку с пешней. Только вид острой увесистой железки удерживал их. Вот тут ему стало на секунду страшно. Сколько их? Где-то с десятка полтора, и все, как назло, довольно крупные. Отступать назад? А куда? Он может свалиться с косогора, и псы сразу начнут его рвать, не давая встать на ноги. Загонят, как волки сохатого...

Идти вперёд? Но до посёлка километра четыре голой заснеженной земли — ни куста, ни дерева... Степан Петрович даже запамятовал, что на нём были неуклюжие валенки с галошами и длинный дождевик поверх телогрейки — в такой амуниции далеко не убежишь...

Он осторожно скосил глаза влево, вправо... Шагах в двадцати чернела мощная высоковольтная опора. Но как только рыбак принял быстрое и единственное решение — собаки сразу догадались, мгновенно перестроились, сдвинувшись вправо, и медленно пошли на него, стараясь отсечь от возможного убежища...

Человек взял в обе руки острую железку с деревянной ручкой. Псы слишком хорошо знали, что это такое, и потому двигались осторожно и осмотрительно. Степан Петрович тогда предпринял неожиданный манёвр — решительно шагнул навстречу. Собаки чуть расступились, а человек проворно — туда-сюда — махнул железкой, потом, перехватив верёвку, привязанную к ручке, молниеносно раскрутил снаряд вокруг себя. Пешня угрожающе засвистела, один из псов, получив жестокий удар в спину, откатился, визжа. Остальные попятились...

Степан Петрович подтянул пешню и вновь пошёл в атаку — он выиграл уже шагов десять. Собаки явно занервничали: то одна, то другая нарушала боевой порядок, заступая дорогу остальным, мешая строй в кучу. Человек заметил это и, как только возникла очередная заварушка, саданул туда пешней. Псы отпрянули. Теперь до опоры было рукой подать.

Среди собак возникло замешательство. Они огрызались, свирепо косились одна на другую, бестолково метались из стороны в сторону. Рыбак отвоевал ещё несколь-

ко шагов, успев при этом вычислить вожака стаи. Пятнистая с примесью лайки сука незримо руководила всеми, одна сохраняя спокойствие и выдержку. Против неё он и повёл наступление.

Махнув пару раз пешней, Степан Петрович едва не разможил суке голову, заставив её в панике отступить. Следом шарахнулись остальные. Теперь опора была в двух шагах.

Рыбак повернулся к ней спиной и, не сводя глаз с пятнистой суки, стал осторожно пятиться. Сука кинулась вправо, влево — он держал её на прицеле. Полупустой рюкзак упёрся в стальную полосу — опора была рядом. Сука издала сдержанный властный рык, и, словно по приказу, один из псов бросился человеку на грудь. Степан Петрович огрел храбреца пешней и мигом направил её в грудь суки. Та отступила, увлекая за собой стаю. Всё перемешалось...

Человек мгновенно развернулся и с удесятёрённой силой и прытью стал карабкаться на опору. Снега выпало много, бетонный фундамент был скрыт сугробом, и потому рыбак без особого труда вскинул ногу на стальную перекладину, ухватился за другую руками, подтянулся. Псы, остервенело лая, кинулись ему на спину, но на Степане Петровиче был плотный прорезиненный дождевик, прочный, как кровельная жёсть, под ним толстая телогрейка... Через мгновение собаки уже хватили его за валенки, у одной в пасти торчала галоша...

Рыбак передвинулся на угол опоры, к её боковине и попытался устроиться удобней. Собаки нервно, злобно повизгивая, суетились кучей внизу. Человек сел на узкую стальную полосу, свесил ноги, с лица его исчезла тревога, сменившись азартом и злорадством:

— Ну, что? Взяли? Ах, вы твари поганные!..

Сейчас, в недосыгаемости, он их откровенно презирал. Псы стояли и смотрели, задрав головы, как смотрят пацаны на тающую сосульку, готовую вот-вот отвалиться.

— Ждёте? Хрен дождётесь!

Тогда, повизжав, они расположились вокруг опоры. Те, кому досталось на орехи, старательно зализывали раны. Сука-предводительница спокойно легла в центре, поместив голову между вытянутых лап, временами поглядывая на человека острыми злобными глазками.

Степан Петрович сменил позу, свесив ноги по обе стороны перекладки. Несмотря на ватные штаны, плащ, телогрейку, сидеть было страх неловко — железка казалась немногим толще лезвия ножа. «Долго я тут, пожалуй, не продержусь», — здраво рассудил он и глянул на своих преследователей. Они делали вид, что не обращают на него внимания, но уходить, как видно, не собирались.

Отсюда, с высоты, отлично просматривался посёлок. Дымили трубы, мелькали машины, можно было даже различить крохотные фигурки людей. Своего дома Степан Петрович не разглядел, но родная улица была видна отчётливо. И вся эта мирная, будничная картина будто отрезвила его. Что за чертовщина? Там, недалеко, идёт спокойная, привычная жизнь, а он сидит здесь, как попугай на жёрдочке, спасаясь от поганных шавок!

Рыбак пошевелился. Псы навестили уши. Сука окинула его холодным оценивающим взглядом. Они встретились глазами. Не злость, не ярость, не месть стояли в её маленьких серых зрачках — только одно желание убить и насытиться. Как же должен ожесточиться бывший верный друг и помощник, чтобы не видеть в человеке ничего, кроме лёгкой и доступной добычи! Чувствуя своё превосходство и презирая его безмерно...

Содрогнувшись и забыв о стыде, рыбак закричал отчаянно:

— Эй, люди! Помогите кто-нибудь! Э-гей!.. Сюда, на помощь!..

Половина стаи вскочила на ноги, и все, как по команде, повернули головы в сторону посёлка.

Степан Петрович надрывал горло с полчаса, потом умолк. Усилия были потрачены впустую, в посёлке его никто не услышал. К тому же, увлечшись, он едва не сверзился наземь, прямо в голодные жадные пасти. Руки и ноги у него затекли, в душе окончательно поселилось уныние. «Неужели вот так и придётся окончить жизнь? — явилась отчаянная мысль. — На зубах у бродячих псов».

Он почти равнодушно оглядел упорных, неумолимых врагов. Среди них наверняка не было своих поселковых собак. В округе раскинулся ещё пяток деревень, большей частью полупустых и заброшенных, и Степан Петрович частенько слышал разные истории про одичавших собак. Ходили слухи, что они сбиваются в стаи и нападают даже на крупную дичь. Но чтобы вот так!

Один из псов поднял голову, встретился с ним глазами. Степан Петрович вздрогнул и взгляделся. Кажется, он узнал этого крупного рыжего кобеля.

— Шайтан! Эй, Шайтан!.. Это ты?.. Точно ты?..

Пёс склонил лохматую башку направо, потом налево... У Степана Петровича ёкнуло сердце. Он не мог ошибиться, это была собака его бывшего соседа — Генки Белана. В прошлом году Генка получил квартиру в городе и переехал, а кобеля оставил в посёлке. Не брать же с собой деревенского дворового пса в городскую квартиру! Лето и

осень Шайтан прожил в пустом доме, жена Степана Петровича иногда подкармливала его, а потом исчез куда-то.

— Шайтан! Шайтанчик! Ты узнал меня, псина? — голос человека дрожал от нахлынувшей радости, за которую ему тут же сделалось стыдно. Кобель недоверчиво повёл ушами, напрягся. — Шайтанушка! Ах, ты хороший! Славный ты пёс!.. Молодчина!..

Сука глухо заворчала, а Шайтан неуверенно мотнул хвостом.

— Шайтанчик! Шайтанушка! Это я. Я... Не узнал, что ли? Соседа не узнал? — по телу пса прошла лёгкая дрожь, затрепыхался хвост. Сука вскочила, а с ней ещё полдесятка собак. — Шайтанушка! Ну, как же так?.. Ты что же это? Айя-йя!.. Напасть на меня хотел!.. Разве можно так?.. — продолжал искушать человек, неизвестно на что надеясь. Может, ему становилось легче оттого, что в стане врагов нашлась добрая, сочувствующая душа. А может, хотел разоружить их лаской?

Сука мигом насторожилась, поняв, что жертва пустила в ход последнее, самое коварное средство, на которое Шайтан, к сожалению, поддался. Он подбежал к опоре, сделал невысокий, но услужливый прыжок, всем видом показывая, что он вспомнил, а главное — опять готов подчиниться. Теперь вся стая была на ногах и молча наблюдала почти свершившееся предательство.

— Узнал! Он узнал... Ах, ты хороший! Добрый ты пёс! С толку тебя эти гады сбили!.. Ну, ничего, мы им не поддадимся... — радовался человек, зорко следя за остальными.

Может, кто-то ещё последует этому заразительному примеру? А Шайтан благодарно взвизгнул. Сука подняла верхнюю губу, выставив череду мелких острых зубов, у остальных вздыбилась шерсть на загривках.

— Шайтан! — окликнул встревожено рыбак. — Шайтан, берегись!

Но пёс и сам почуял грозящую опасность, прыжком обернулся к стае, и на спине его вздулись комки мышц. Сидящий на опоре человек был забыт, собаки переключили всю ненависть и злобу на бывшего сотоварища. Сука ещё раз глухо заворчала, словно предлагая Шайтану покориться и занять своё место, но тот, видимо, никак не мог совершить двойное предательство и тоже заворчал в ответ.

— Шайтан! Оставь, Шайтан! Ну их, сволочей! — стал увещевать Степан Петрович, увидя такой оборот и следуя податливой людской природе.

Но голос человека подействовал на пса совершенно неожиданно, точно подстегнул его. Шайтан медленно повёл сильной шеей и чуть подался вперёд.

Тогда сука злобно ощерилась, пасть её наполнилась слюной. Слепая, бешеная ярость полыхала в маленьких глазках — и если бы теперь отступник покорился, пощады бы он не вымолил. Шайтан это понял и сам бросился навстречу стае. Все сбились в плотный шевелящийся клубок. У Степана Петровича потемнело в глазах и гулко заколотилось сердце...

Псы дрались остервенело и жестоко, а человек, совсем потеряв голову, кричал что-то злое и бессмысленное, несколько раз едва не свалившись с верхотуры. Ком рыжих, пятнистых, серых, чёрных тел носился под ним какими-то рваными зигзагами, иногда глухо стукаясь о железно опоры. Различить, кто кого рвет и на чьей стороне перевес, казалось невозможным. Все терзали всех, так, по крайней мере, представлялось рыбаку.

Ключья шерсти летели во все стороны. Кровь запятнала снег. И вдруг стая словно приклеилась к одному месту, псы сжались тесным кружком, мотая задами и плотоядно взвизгивая. Степан Петрович похолодел и замер, он будто бы увидел собственную гибель...

Потом, растерзав несчастного Шайтана, утолив голод и чувство справедливой мести, псы несколько минут отдыхали, кто сидя, кто лёжа. Некоторые старательно вылизывали окровавленный настил.

Человек сидел ни жив ни мёртв, как бы заново переживая своё невероятное приключение. Вот в какую злобную, беспощадную тварь может обратиться обыкновенная дворняга! Кто бы мог подумать?! А псы даже не поднимали на него глаз, словно его и не было здесь. Наконец сука-предводительница лениво встала, не спеша потянулась, помочилась, аккуратно присев. Кобели подбежали, толкаясь и ворча, стали жадно нюхать жёлтые следы. А сука, ни на кого не оглядываясь, бодрой рысцой побежала туда, откуда пришёл рыбак. Псы, сломя голову, кинулись следом...

Посидев, для уверенности, ещё полчаса на тонкой полоске железа, Степан Петрович тяжело слез с опоры. Первым делом подобрал брошенную пешню, опасливо косясь на рыжий комок шерсти, весь в бурых пятнах крови. Кажется, это была голова Шайтана. Рывком отвернулся. И тут в груди его стало горячо, глаза защипало.

Быстро, как только мог, он зашагал к родному посёлку. По щекам его катились слёзы. Ему было жалко убитую собаку, убитую по его вине, вернее, во его спасение, и жалко себя, угодившего в такой переплёт...

Он шёл, плача и ругаясь, ругаясь неизвестно на кого, а скорее всего — на эту жестокую, нескладную, непонятную жизнь...

Над полем и посёлком уже сгущались сумерки...